

Мое детство – Стрежевой

Равза Сергеевна Шайхутдинова

Нашу семью сослали сначала на Васюган. Дед говорил, что было очень тяжело, много умирало людей с голода, многие убегали. Сюда они приехали по вербовке, сначала в Колтогорск, потом здесь поголодовали. Чтобы выжить, раскорчевывали лес, поля. Работали день и ночь. Сослали сюда всех работяг, поэтому и колхоз миллионер был.

Здесь, на вышине, на месте дома нашего дедушки Салахтина, работали старатели, шишковали. Деду это место показали ханты, ему оно понравилось, он собрал татар, и начали строить: первый дом деда, потом Ниязовых, дальше Галямовы, Сайбулины, Юмашевы, Мустафины, Назыровы, Сайтовы, Хуснутдиновы, на этом татарский поселок заканчивался. Потом шли дома русских семей.

Ханты хорошо помогали. Они богатые были. У них дома интересные были, стояли на деревянных сваях, поэтому их не затапливало. Ханты нас кормили, давали инструменты, грабли. Главный у них был Корнейка, говорили, в Гражданскую войну он красных убивал, а белым помогал. Белые здесь где-то рядом проходили, когда шли на Омск. У хантов женщины коров не доили, они просили наших женщин их коров доить, масла у них потому и не было, что не доили. Ханты к дедушке в гости приходили, с охоты на нартах заезжали. Пока у нас гостили, мы у них пряники вытаскивали.

Мы свою маму не видели, она то на покосе, то на ферме, бабушка нас воспитывала, дедушку боялись. Бывало, балуемся, а когда дед идет – прячемся. Дедушка работал на пилораме. Дядя Ахмед Назыров был приемщик, шкуры принимал, потом с Вартовска Халилов приезжал. Дед Ниязов делал скрипки, играл сам. У него один глаз не видел, но был грамотный, много знал сказок, мы к нему постоянно бегали, мы допоздна у него всегда сидели, он потом нас всегда провожал. У дедушки Галямова все Александровское начальство (секретари, начальники, главврачи) останавливались. Когда дед Галямов приезжал в Александровское, его также с почетом принимали. Дядя Миша был хороший охотник, у него избушка сгорела, заимка была в лесу, лыжи не сгорели и он смог на лыжах вернуться домой. Дядя Хаким Мустафин рыбачил, и костёр оставил не потушенным, тайга загорелась, за поджог ему 2 года дали. Дядя Поля (Поликарп) Харчевников был лесничим, очень строгий. У него на крыше дома был знак какой-то, обозначал дом лесничего. Нам не разрешали черемуху собирать и шишки, если раньше 25 августа ловили – штрафовали. Но мы, дети, конечно, украдкой всё равно бегали. За кладбищем кедрач был, я полезла за шишками, дядя Поля увидел, меня узнал. Я с дерева слетела, метра два высоты, болит всё, бежать не могу, поползла украдкой. Он меня потом искал, узнать, все ли со мной в порядке. А потом через много лет напомнил про этот случай с горечью и сожалением – нет там сейчас ни черемухи, ни кедров...

Здесь и украинцы жили. На первом кладбище были две могилки украинские с крестами, дерном обложенные, овцы туда забегали, а я пасла и читала, иногда засыпала прямо там. Дедушка женился на хохлушке. Она нас салом кормила под столом. Русские часто нас, татар, дразнили салом, татары же сало не ели. Бабушку звали Маруся Буйниха, её после войны родственники забрали. У моей подруги арестовали отца как врага народа, Горбенко, приехали и забрали со Стрежевого. Почему, неизвестно.

Столы накрывали, песни пели. Столы длинные у деда ставили, по очереди гуляли по домам. Грибы (грузди) солили Кугаевские и Выходцевы, а татары не знали, как солить. Бабушка на «Хайт» (Ураза), на праздник пекла баурсаки, беремячи, девочек учили с детства готовить, к семейной жизни готовили. Хлеб очень вкусный дома пекли. Дед первый ел, потом бабушка, если кто засмеялся – по лбу сразу получал от деда оловянной ложкой. Смеяться нельзя было за столом и плакать тоже нельзя. За плохое поведение за столом дед наказывал, сахар не давал, но бабушка нас жалела, возьмет сахар и потом потихоньку в

кармашек нам положит. Еще помню, масла 12 кг надо было сдавать. Сначала сдать, потом можно самим кушать.

Дед табак сеял, капусту, горох. Огурцы выращивал, грядки рамами накрывал. Маша однажды сорвала маленькие и прутом получила от деда за это.

На татарские праздники к нам русские дети ходили, а татары любили Пасху, яйца крашенные, к русским бегали. Дружно жили, весело. Мы и к немцам бегали. Дед нас ругал, но мы всё равно дружили с ними, хоть и дрались иногда.

Рыбачили на стрежпеске, заберут на недельку, вот мы и наедемся рыбы. Бывало, сами рыбы наловим, костер разожжем, соль с собой, на палку натыкаем рыбу, нажарим и едим полусырой. Могли картошки сами на сале нажарить, хотя дед татарский ругал, что свинину ели. Мы свиней в семье не ели, держали только на продажу. Однажды в доме чуть не угорели от дыма, бабушка спасла, а лечили просто, клюквы в уши напихали, и всё. За медом ходили, накусили один раз страшно. Каток делали сами на Пасоле, деревянные коньки наденем и катаемся. Очень много книг читали, рано начинали читать, старшие братья и сестры учили младших.

Школа была начальная в поселке. Но когда мы в школу пошли, русского языка не знали, говорили только по-татарски. Посадили Раю с Диной за парту, они обнялись, по-татарски бормочут, плачут. Рассадили потом – Раю с Кугаевским посадили, Дину с Зенковым. Учителя хорошие были, мы их очень уважали, надышаться на них не могли. Бабкина Клара Анисимовна – моя первая учительница. Директор - Архангельский Александр Сергеевич, он многое сам делал – маски, костюмы, елку, мы из марли шили разные костюмы, утренники готовили. Две дочери Кугаевских учителями были - Полина Ефимовна и Мария Ефимовна. В школе был свой огород. Кормили в школе хорошо. Тетя Роза Паульзен была и истопником, и техничкой, и поваром, вкусно готовила, чашки поставит с едой, и через три минуты нет ничего. В морозы тоже в школу ходили, завернут нас в тёплое - и в школу. Дети по-разному одеты были, многие босые. Немцы особенно плохо были одеты. Нас одевали хорошо, всё благодаря деду, он шил из кожи черевички, обувь типа лаптей с веревочками, галоши покупал. Умудрялись и каблуки к галошам приделать, носили как туфли. В Александровское в школу пешком иногда ходили, а на каникулах, зимой, на лыжах. Обрато из школы обозом забирали детей. Александровская школа была хорошая, сильная. Больница там тоже сильная была, люди за лечением из Томска, Нижневартовска на лошадях приезжали.

Дети взрослым всегда помогали. Картошку колхозную копали, на покосе с 11 лет работали, мальчишки копны возили. Жара, гнус, комары, кто-то даже специально лягушек ловил, чтобы дождь вызвать, и чтоб покоса не было. Детям за эту работу не платили, родителям за это трудодни также не проставляли, работали за печенье (ведро картошки – 1 конфета или печенье). По нынешним меркам – сплошная эксплуатация детей. Пасол переплывали, летом жара, купались. По окрестностям бродили, в лес ходили за черникой. Однажды сильно напугались, думали, что медведь, котелочки побросали, а оказалось, это дед Хуснутдинов нас пугал.

Однажды в карты играли на сеновале с Зиной, долго нас не было, выходим – бабушка нас обнимает, плачет. Оказывается, Шурик Смолин утонул, и ещё нас двоих найти не могли, напугались, конечно.

Концерты устраивали, из других поселков с концертами приезжали, кино в поселке смотрели, родители на скамейках, а дети под скамейками фильмы смотрели. Кирпичный завод был. Здесь была лисоферма, свиней, уток, кроликов, овец разводили. Птичник был на берегу. Мельница была, но берег обваливаться начал...

Золотые руки у людей были. Раньше строили дома всей деревней, штукатурили, все делали вместе. Сеяли пшеницу, друг другу помогали, строили, подсказывали. Без помощи друг другу ничего б не построили. Огороды громадные, пахали, картошку садили, окучивали. Все планировали, лес заготовливали, вывозили лес на лошадях. Дома строили все вместе, каждому по очереди. Овечек по очереди пасли. Дружные были очень.

Дядя наш, Карп Галямов вернулся с войны, но говорить о ней не любил. Помню, рассказывал, как они в окопах сидели, и атака началась: немцы бегут, один здоровый был, прыгнул – и прямо на штык, так дядя Карп жив остался. Штык, говорил, в человеческое тело как в масло входит. Вспоминал про Сталинград. Говорил, не все немцы плохие были. Было даже, что в одном подъезде наши, а в другом немцы. У нас, говорит, есть нечего, сидим и видим – немцы копают, сгущенку, тушенку просовывают и зовут: «рус, рус, ешь...». Мы их не видим, они нас, а потом выходим – и в бой друг против друга... Потом он еще и на японской воевал.

А Черкасов Сережа, когда на войну уходил, плясал и приговаривал: «Вернусь с войны - так плясать, девчонки, буду!». Но с войны он не вернулся. Стрежевских ребят на войну провожали на берегу, гармошка играет, кто плачет, кто поет, смех, слезы. Берег был весь гнездами усеян, стрижей было очень-очень много, наверное, потому и назвали Стрежевой.

А ещё раньше сюда весной прилетали журавли на поля. Но как только стали строить город, им некуда стало прилетать, потому и перестали журавли к нам летать. Я всегда плакала, когда их видела, и до сих пор часто вспоминаю и плачу...

Воспоминания записала А.Г.Мухаметдинова

2020 г.